

Сергей Тулупов

г. Череповец,
Вологодская обл.

Масло для разведчика-марафонца

«Действуя в тылу врага на территории Эстонии в составе группы разведчиков, лично освобождал концентрационный лагерь женщин (доведённых до истощения и унижения) в посёлке Кехра, а также был своевременно предотвращён от уничтожения и взрыва целлюлозно-бумажный завод». (Из автобиографии фронтового разведчика.)

– Николай, остаёшься охранять завод до подхода частей корпуса, – выбирая кандидата, взгляд лейтенанта задержался на разведчике, превратившемся в живую мумию в конце второй недели непрерывных боевых рейдов.

«Непонятно, как ещё и держится наш вестовой марафонец», – подумал командир о земляке, постоянно курсировавшем между разведчиками и штабом корпуса с донесениями, чаще в ночное время.

– Может, лучше лагерь с дамами принять под охрану, – пошутил Коля.

– Женщины о себе позаботятся, они уже свободны. Завод же наверняка заминиро-

ван, а здесь оборудования на миллионы рублей, так что не расслабляйся, – улыбаясь, закончил политбеседу комвзвода. – Доходяга, а ещё шутит.

Разведчики исчезли в сумерках, а Коля развёл костерок, невидимый для посторонних глаз. После полуночи ещё раз обошёл территорию, набрал чистой воды в котелок из бачка с питьевой водой для рабочих и приладил над огнём. Хотелось спать и жрать. Тряпица из рюкзака и щепотка соли из газетного пакетика отправились в котелок.

– Варю кашу из холстины, – вполголоса пошутил боец третьего года войны, вспомнив сказку «Каша из топора» и медленно помешивая варево.

– Николай, ты зачем тряпку из рюкзака облизываешь, совсем от голода из ума выжил? – Из памяти всплыл неожиданный вопрос, заданный на кратковременном привале пару дней назад сержантом родом из Нарвы, удивлённым необычным поведением подчинённого бойца.

– Да табак поменял на сахар, а он от влаги слипся с холстинкой, вот и выкручиваюсь, – соврал бывалый боец.

– Держи четвертинку, – поделился хозяйственный сержант с подчинённым куском чёрного хлеба. – Негоже нам без вестового остаться, рация совсем не тянет, а ты, Николай, – наша связь с корпусом, в два раза больше любого из нас отбежал, – позаботился разведчик о товарище по рейдам в тылу врага...

Когда Коля вспомнил о заботе приятеля, ему стало стыдно за маленький обман. Он осторожно извлёк ножом мокрую тряпицу и, немного подержав над котелком, отбросил в сторону. На поверхности кипятка остались масляные круги. Чёрствый кусок хлеба от сержанта последовал маленькими кусочками в маслянистую жидкость. Варево получилось на славу, а воспоминания перекинулись на второй день рейдов по тылам противника...

На безлюдном хуторе – хозяева поспешно бежали вслед за отступающими немцами – Коля обнаружил в пустом

продуктовом амбаре полупудовый кусок сливочного масла на столе, а рядом кусок поменьше, чуть более килограмма, завернутый в холстину.

«Вот, чего тебе не хватает!» – мысль-подсказка, словно со стороны или сверху, и кусок масла тотчас был переправлен в рюкзак, откуда извлекался, если становилось невмоготу, для подзарядки разведчика-марафонца, а полупудовый кусок через старшину разведроты, в конце концов, попал в столовку штабных офицеров корпуса в обмен на сухие пайки для разведчиков.

Так сливочное масло оказалось спасительным для одного разведчика из 328-й отдельной разведывательной роты Эстонского корпуса, осилившего «своими двоими» за пару недель более двух десятков марафонских дистанций при освобождении материковой части Эстонии.

Порядок превыше всего

В первых числах декабря 1942 года фашисты гнали очередной трагический обоз с сотнями евреев на центральную станцию города Волковыска, исполняя приказ берлинских властей о ликвидации гетто.

– Дядька Семён, тётка Мотя! Вашу Верку немцы забрали! Вместе с жидами в Германию отправят! – прокричала запыхавшаяся от быстрого бега подружка, вбежав в дом Игнатьевых.

– Господи! Что будет, с младшенькой?! – крестясь, запричитала мать.

– Может, разберутся и отпустят, – вторила ей свекровь Екатерина.

Слово «жиды» резануло слух главы семейства, до войны антисемитизм в Волковыске не приветствовался, а осознание происходящего кольнуло в левом боку и перехватило дух.

– Как же, отпустят... Ша! Тихо, бабы! Давно забрали Верку? – спросил Семён у дрожащей от холода и страха девчонки, медленно вставая из-за обеденного стола с варёной картошкой и соленьями.

– Десяти минут не прошло. Мы с Вер-

кой рядом шли, высматривая знакомых, она споткнулась, а рыжий полицаи подумал, что из колонны, – вклепил подзатыльник и втокнул к евреям! Она же чёрненькая, на еврейку похожа, – выдала историю происшедшего бывшая одноклассница.

– Пошли! Бегом! Должны успеть до центральной станции, иначе... – Семён, пожилой мужчина непризывного возраста, прихватил документы и всю наличность из шкатулки, подработок за месяц и две пачки немецких сигарет, накинул старое драповое пальто и потёртую каракулевую шапку, валенки на босу ногу и выскочил из дому вслед за выбежавшей девочкой.

– Верочка, девочка моя, не бойся. Папа здесь, всё будет хорошо! – прокричал отец дочери.

Лишь спустя полчаса на подходе к центральной станции подружка опознала рыжего полицаи с помятым лицом от непробудного пьянства.

– Вера, мы здесь с твоим папкой Семёном! – подбодрила подругу сверстница, разглядев её среди медленно идущей толпы обречённых рядом с телегой, перегруженной больными, истощёнными людьми, неспособными идти самостоятельно.

«С полицаем не договориться, из националистов и сидел при советской власти. Деньги возьмёт, сволочь, и глазом не моргнёт, но ничего не сделает», – опознав едва знакомого охранника с их улицы, подумал дядька Семён и направился к нескладному фельдфебелю в очках с печальным серым лицом.

– Пан офицер! Помогите! Там моя дочка, не еврейка, случайно. По недосмотру попала к отъезжающим евреям, – снимая шапку и протягивая документы младшему чину полевой жандармерии, непонимающему, что от него нужно этому русскому или поляку.

Документы, удостоверение личности на немецком языке и справка по составу семьи на русском, но с нужными печатью и подписями были в порядке. Пожилой фельдфебель, сам отец двоих детей, ещё раз посмотрел на

осунувшегося просителя – такое преображение внешности он наблюдал впервые. Только что довольно крепкий мужчина с остатками растительности на голове превратился в дряхлого старика, пытающегося на ходу что-то объяснить представителю оккупационной власти, тыкая пальцем в список, бормоча по-славянски и коверкая немецкие слова.

– Дочка моя, тохтер, кляйн фрау, помогите, герр офицер. Отпустите медхен нах хаус, – продолжал бормотать проситель, убрав шапку за пазуху, указывая рукой в сторону обоза и засовывая одну за другой пачки сигарет в карман шинели жандармского чина.

– Юде?! – уточнил для порядка фельдфебель, наконец понявший, чего от него хотят. Поправив сбившуюся на поясе кобуру и подзвав рыжего полица, приказал: – Ентлассен! Орднунг юбер аллес.

Полицай, слышавший почти весь разговор, хотел возразить офицеру, что с такой внешностью русских уж точно не бывает. Но получив от правильно среагировавшего просителя ком смятых немецких и советских купюр не только на опохмелку, а и на хорошую выпивку с приятелями, не стал связываться, а быстро вытащил из обречённого обоза испуганную чернявую девчонку с чёрными глазами и передал родителю...

Через час вся семья собралась за столом с весело закипающим самоваром. Отогревшаяся Вера, так до конца и не понявшая, что её ожидало, сидела рядом с отцом, вцепившись правой рукой за локоть. По другую сторону – дети, средняя дочь Тамара и сын Гена. Мать Семёна откуда-то молча принесла бутылку самогона и маленькую пачку чая, давно ставшего роскошью в семейном бюджете.

– Батяка! А ты у нас не только лысый, но и совсем седой, – обратила внимание беременная старшая дочь Лида с двухлетней дочкой Наташкой на коленях.

Глава и единственный кормилец большой семьи медленно выпил стакан самогона, поднялся со скамейки, осторожно освободился от детей и, опустив голову, будто смотря под ноги, чтобы не споткнуться, неторопливо подошёл к шкафу со встроенным зеркалом. Ещё с утра уверенный, крепкий мужчина в расцвете сил поднял взгляд на себя. Из зазеркалья на него уставился незнакомый старик с заострёнными чертами лица и седыми прядями волос, обрамляющими лысину...

«ORDNUNG MUSS SEIN», – где-то вне пространства и времени один из ангелов смерти невозмутимо отщёлкнул маленькую костяшку вправо в нижнем ряду на счётах холокоста, вернув жизнь черноволосой девочке с чёрными глазами.

Советы для читателей

Выбор литературы

Составляйте списки книг, которые вы хотели бы прочесть. Собирайте рекомендации друзей, знакомых, уважаемых вами знаменитостей и деятелей литературы. На этом этапе вы осознанно подходите к правильному выбору книги.

Читайте только те книги, которые вам нравятся. Если красочно разрекламированная кем-то книга никак не читается, вероятно, это не ваша книга, и сейчас её прочтение не даст вам ничего, кроме насилия над собой и потраченного зря времени. Возможно, вернувшись к ней в будущем, вы откроете её для себя по-новому.

Активно применяйте «Правило 50 страниц», это действенный способ читать только хорошие произведения. Если после прочтения 50 страниц книга не увлекает и читается через силу, её лучше отложить. Не читайте сомнительные книги. Прочитать все книги невозможно, а значит, надо выбирать только лучшие. Кому-то хватает и меньшего количества страниц, чтобы принять решение о полезности материала.

Обменивайтесь книгами. Незачем хранить то, к чему вы не планируете возвращаться ещё раз, если только этот предмет не дорог вам как память.

